

В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Проблема цивилизационных рисков скрыто или явно присутствует в философском и культурологическом, политическом и политологическом дискурсах, что выявляется в тех случаях, когда речь заходит о цивилизационном развитии. А тема эта поднимается все чаще в силу многих причин, среди которых особого внимания заслуживают пять основных.

Во-первых, цивилизационный подход становится доминирующим во всех указанных сферах деятельности, поскольку на рубеже II и III тысячелетий наблюдается резкое снижение зависимости общества от предельно жесткой идеологической индоктринации. Зависимость массового сознания от политических доктрин предполагала разрушение цивилизационной идентичности народов, вытеснение традиционных начал новым типом «рецептурного сознания», регламентирующим политическое поведение. Тотальная идеологическая индоктринация затушевывала, скрывала цивилизационное многообразие мира, разделяя государства и народы по принципу «идеологически близкий = цивилизованный» или «идеологически чуждый = варварский». Такое схематичное противопоставление стало малопродуктивным в силу внутренних изменений в сфере «идеологического производства», которое, в свою очередь, качественно изменилось в результате «расформирования» двух противостоявших политиче-

ских систем и «идейных лагерей» — системы капитализма и системы стран социализма с выделением так называемого третьего мира. Новая политическая карта мира утрачивает, таким образом, свою идейную четкость, а под «осыпающимся внешним красочным слоем» становятся видны контуры «первичного живописного слоя» — границы мировых цивилизаций, которые сложились столетия назад, задолго до эпохи господства политических идеологий.

Во-вторых, на этом фоне методологическая основа классификации и политической оценки различных государств и режимов сместилась к двум критериальным схемам, которые связаны с разными цивилизационными школами, но, как правило, ошибочно отождествляются не только в языке публичной политики, но и в научных исследованиях. Согласно первой схеме, в круг (или «клуб») цивилизованных стран включаются только «успешные» государства, лидирующие в технологической гонке и имеющие общие представления об исключительной значимости демократических (либеральных) ценностей и набора типовых демократических институтов. В этом смысле и стало употребляться выражение «западная цивилизация» — как носитель прогрессивных преобразований, отождествляемых с цивилизационным развитием. Все, что выпадает или целенаправленно выводится из этого круга, либо относят к «варварским странам», либо включают в список «стран-изгоев», либо соотносят с образом «оси зла». Согласно второй схеме признается сосуществование во времени многих цивилизаций, в том числе и западной, хотя такое признание само по себе не предполагает, как правило, не только готовности признать равноценность и равноправие цивилизационных миров, но и их право на «приватизацию будущего».

В-третьих, как нечто самоочевидное признается тот «факт», что только западная цивилизация являет собой образец и эталон дальнейшего линейного (прогрессистского) развития — технологического, социокультурного и политического. В политике со времен Античности, когда цивилизованность была впервые противопоставлена варварству, закрепилось это весьма одностороннее и схематичное представление о цивилизации и цивилизованности как о некоем универсальном показателе уровня культурного развития этносов, гражданских наций и государств. При этом уровень цивилизованности народов и стран определяется с XVIII века весьма просто: критерием становится соответствие или несоответствие той или иной культуры (национальной и политической) единому образцу, эталону. А единственно возможный вывод из этого методологического допущения — о том, что роль образцов и эталонов по плечу только немногим европейским народам и странам-лидерам, сумевшим опередить конкурентов («недоцивилизированные» регионы) и с максимальной полнотой реализовать свой

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, член Президиума РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Иммунофизиология», «Альфафетопротейн», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» («Russian Journal of Immunology»), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012).

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Почетный работник высшего образования РФ. Государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

потенциал — интеллектуальный, научный, образовательный и технологический. Из этого допущения был выведен и однозначный геополитический принцип, на котором, по сути, строится вся система международных отношений: «цивилизованные народы» обязаны, более того, вынуждены взять на себя нелегкую, но высокую миссию цивилизаторов. Политики и политики легко усвоили идею «цивилизации-образца», а позднее и идею моноцивилизации, «освобожденной» от «исторических атак» (например, от сохранения языкового и цивилизационного многообразия), невзирая на тупиковый характер этой установки: такой «образец», возведенный в ранг стандарта, явно не обеспечивает выживаемость коренных европейских народов, а следование ему ведет к глобальному экологическому коллапсу.

В-четвертых, совершенно очевидно, что обе вышеупомянутые критериальные схемы, как и описанные выше допущения и принципы, сами являются источниками повышенного риска, поскольку представляют собой инструмент поддержания и углубления искусственно создаваемых диспропорций в развитии планетарных регионов, а также источник возможной дискриминации «отстающих стран». Одно из следствий появления такого дополнительного фактора риска, скрытого в методологии политического знания, — тот факт, что этот внутренний дефект остается незамеченным. В результате сам поиск методов и способов минимизации или устранения объективных политических, экологических и социальных рисков осуществляется в рамках методологии, которая зачастую не помогает, а препятствует решению поставленных задач.

В-пятых, особого внимания требуют причина сближения цивилизационной тематики и теории оценки рисков, а также теория управления рисками, которая постепенно занимает все более заметное положение в сфере стратегического планирования и прогнозирования. Дело в том, что интерес к цивилизационной тематике резко повышается, когда обстоятельства принуждают правительства различных государств и руководящие наднациональные органы, которым делегируется выработка коллективных стратегий в межгосударственных блоках и союзах, к принятию заведомо рискованных политических решений. При этом сам цивилизационный подход к изучению социальных и политических феноменов демонстрирует свою эвристическую ценность и эффективность в периоды, которые характеризуются повышенными рисками. Если всплеск интереса к константам (константами можно назвать цивилизационные процессы, так как они протекают на всех этапах становления человечества, связывая поколения общей идентичностью) вызван потребностью обнаружить хоть что-то стабильное в условиях дестабилизации, то понимание связи этих констант с рисками диктуется необходимостью делать выбор между альтернативными сценариями развития событий. Дело в том, что каждый из сценариев несет в себе высокий и неустрашимый элемент непредсказуемости.

Такие периоды связаны, как правило, с феноменом, названным социальной и политической турбулентностью, катастрофами различного генезиса, прежде всего

демографическими и экологическими (техно- и социогенными), и волнообразно возникающими кризисами, обострением и дестабилизацией международных отношений, а также с заметным ослаблением роли факторов сдерживания. Среди таких факторов выделяется ослабление общественного доверия к незыблемости межгосударственных соглашений и договоров на высшем уровне. Их статус был основательно подорван в результате крушения СССР и всей биполярной системы с ее достаточно эффективной «механикой» сдержек и противовесов. Одно из следствий изменения мировой системы — кардинальный и необратимый пересмотр послевоенных европейских границ с дрейфом мирового сообщества (или так называемой мировой цивилизации) к прямым локальным войнам за контроль над стратегическими ресурсами. Кроме того, все меньшим доверием пользуются и традиционные призывы к единению народов во имя преодоления общих глобальных угроз (экологических, техногенных, политических), олицетворением которых становятся образы «общего врага мировой цивилизации». Падение доверия связано с тем, что за такими призывами просматривается почти неприкрытое стремление к концентрации наднациональной власти.

Во всех этих случаях открывается одна любопытная закономерность: цивилизационная специфика регионов, их историческая принадлежность к определенным культурно-историческим типам явно противоречат логике технологического развития и логике построения мира в условиях ускоренной глобализации, когда сосуществуют и дополняют друг друга две разнонаправленные тенденции. Первая — интеграционная, предполагающая создание наднациональных союзов нового типа, а вторая — дезинтеграционная, связанная с целенаправленным разделением отдельных регионов, наций и государств новыми, в том числе не существовавшими прежде государственными границами.

Чаще всего в политике и политических науках понятия «цивилизация» и «риск» соединяют в самых различных комбинациях, когда речь заходит о так называемой технотронной цивилизации. Эта закономерность выявляется, когда под технотронной цивилизацией понимают общие тенденции, характерные для жизни локальных цивилизаций в условиях их тесного взаимодействия и международного сотрудничества (правильнее было бы говорить о сотрудничестве-конкуренции).

Отдавая должное так называемому общецивилизационному подходу, фиксирующему объективные процессы унификации и смены технологических укладов (что очень важно в наши дни), не следует забывать о цивилизационном подходе, который базируется на теории локальных цивилизаций — культурно-исторических типов. Именно он предлагает гибкую шкалу измерения политики (не упрощенно-линейного) с учетом реального цивилизационного многообразия и, что особенно важно, позволяет раскрыть подлинный временной горизонт стратегического планирования и прогнозирования. Стратегия без такого горизонта — политическая бессмыслица, компромиссный и конъюнктурный до-

кумент «к случаю», например, к очередному саммиту лидеров ведущих стран. Каков же горизонт наиболее значимых мировых цивилизаций, среди которых, как признают все наиболее известные исследователи локальных цивилизаций, особое место занимает русская или российская цивилизация? Ответ известен: тысячелетия. А духовная константа мировых религий, составляющих «ядра» многоликой цивилизационной идентичности, — вечность, которая открывается человеку. Значимость подобной точки отсчета для осмысления, постановки и решения собственно экологических проблем, а также для разработки и реализации масштабных проектов экологической направленности не вызывает сомнений.

«Установка на вечность», которую задает конфессионально-цивилизационный подход, позволяет настроить сознание, в том числе и научную мысль, на постижение тайн творения. Без этой мировоззренческой установки непостижимой остается суть самой государственности, природа власти. Дело в том, что временные границы жизни ряда великих государств, и в первую очередь государств-цивилизаций, измеряются иногда многими столетиями. Однако сам институт государственности, а также степень национального суверенитета и, следовательно, сроки существования отдельных независимых государств сужаются на глазах, как шагреновая кожа, по мере расширения возможностей так называемой социальной (геополитической) инженерии и угасания институтов сакральной власти. Социальной инженерией называют вслед за К. Поппером технологию тотального (утопического) или пошагового геополитического конструирования, главными препятствиями для которого были и остаются мировые религии, вековые традиции и уклады народной жизни, а также, разумеется, природные барьеры. Все это позволяет говорить о вхождении человечества в «эпоху риска».

Важно отметить, что само разнообразие локальных цивилизаций, связанное прежде всего с возникновением и распространением мировых религий, никем из политиков не отрицается (особенно после появления и популяризации концепции С. Хантингтона о неизбежном конфликте цивилизаций и связанных с ним политических рисках), но рассматривается как своеобразный атавизм в эпоху интенсивного технологического развития. К умозаключению об атавистическом характере многоцивилизационной модели иногда, кстати, приводят и рассуждения о необходимости транснациональной координации усилий по решению глобальных проблем, способных привести к экологическому коллапсу. Следует заметить, что алармистские установки, распространенные в среде антиглобалистов и внешне направленные не столько против существующих режимов, сколько против рисков, которые вызваны концентрацией наднациональной власти, в действительности используются как сильный аргумент в пользу укрепления именно надгосударственных центров влияния и даже силового разрешения этнокультурных и конфессионально-цивилизационных конфликтов. Все это делается под предлогом обеспечения коллективной экологической безопасности.

Предельно неконструктивная и рискованная с экологической точки зрения политика, соединяющая «технологическую гонку» с «планетарным разделением труда», в том числе с вытеснением опасных производств «на периферию» и почти неконтролируемой трансконтинентальной миграцией, достаточно быстро стирает цивилизационные различия и границы конфессиональных пространств. При этом западная цивилизация, как уже отмечалось, продолжает позиционироваться в качестве образца для подражания, хотя поддержание ее стабильности предполагает непропорционально высокое ресурсопотребление, что делает подражание и копирование (заявленные цели догоняющей модернизации) принципиально недостижимыми ни в настоящее время, ни в долгосрочной перспективе. Однако иллюзия (образ защитника природы и образец экологического мышления и политического поведения) поддерживается во многом благодаря тому, что западные страны действительно инвестируют львиную часть ресурсов — финансовых, интеллектуальных и технологических — в создание системы коллективной экологической безопасности, в том числе в поддержку международных экологических фондов и движений. Разумеется, основная часть этих инвестиций носит «двойной» характер, обеспечивая контроль за «интеллектуальной рентой», а следовательно, и технологическую конкурентоспособность ведущих стран и транснациональных корпораций.

Эта тенденция задает и поддерживает позитивный образ вестернизации как доминирующей тенденции мирового развития. Но за вестернизацией, естественно, скрываются и прямо противоположные тренды, связанные с деформированием конфессионально-цивилизационного стержня самой западной цивилизации, духовных устоев ведущих стран западного мира и деструктивными изменениями социоприродной системы — важнейшего гаранта стабильного технологического и социального развития. Именно здесь кроются причины расхождения позиций: если в публичной политике в большей степени распространен линейно-прогрессистский подход, то в экологическом знании доминирует установка на критику этого подхода.

Особо следует отметить принципиально различную коннотацию термина «цивилизация» в политическом и экологическом дискурсах, что вносит некоторую сумятицу в головы специалистов, занятых собственно экологической политикой. Дело в том, что в языке политики уже давно превалирует сугубо позитивная коннотация этого термина, призванного аккумулировать представления о достижениях, прежде всего научных и технологических, отличающих западную цивилизацию. Такая незаметная подтасовка, о которой не раз говорили русские мыслители (для них русская цивилизация представляла некую самоценность, требующую изучения и защиты от процесса тотальной нивелировки человечества), позволяла сторонникам моноцивилизационного подхода противопоставить политику якобы единого «цивилизованного мира» политике «варваров», «стран-изгоев». В сфере экологического знания чаще всего наблюдается абсолютно противоположная коннотация, ибо основной угрозой для мира, в том числе

и для каждой локальной цивилизации по отдельности, является, по мнению большинства экологов и экологистов, не что иное, как почти языческий культ технического прогресса, характерный для «общемировой» цивилизации.

Распространение цивилизационного подхода в политике затруднено, так как сама попытка измерить ее посредством методологии, основанной на цивилизационных теориях, может вызвать непонимание и даже отторжение. Особенно остро отторжение проявляется у тех, кто привык измерять что-либо в граммах, литрах или, к примеру, в гигагерцах. Политику если и измеряют, то преимущественно в рамках узко понятого экономического подхода — в долларах или евро. При этом

внимание фиксируется, как правило, на эффективности инвестиций.

Завершая краткий анализ проблемы, следует сделать вывод о том, что разработка методологии измерения рисков — политических, социальных и собственно экологических, с которыми сопряжено принятие политических решений, находится в настоящее время на самой начальной стадии. А интерес к проблеме измерения рисков не выходит за пределы сугубо прагматических интересов и сравнительно коротких временных горизонтов, связанных с оценкой ущерба и определением страховых сумм. При этом риски, имеющие отношение к сохранности цивилизационного наследия, выходят далеко за пределы интересов подобного типа.